

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. – С. 48-63
2. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. – 1984. – № 8. С. 133-152
3. Дмитриевская М.А. Знание и достоверность // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. С. 157-175
4. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. С. 6-17
5. Звегинцев В. А. Логико-лингвистические противоречия // Логический анализ естественных языков. – М., 1982. С. 119-122
6. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. – М., 1982. – 263 с.
7. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / Общ. ред. В.В. Петрова. – М., 1986. – С. 194-241
8. Малькольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения “Я знаю” // Философия, логика, язык. – М., 1987. С. 234-263
9. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 147-165
10. Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. – 1987. – С. 48-95
11. Сабанеева М.К. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. – Л., 1984. – 103 с.
12. Сумарокова Л. Н. Философские основания сопоставления языковых и логических структур // Логический анализ естественных языков. – М., 1982. С. 133-137
13. Aijmeer K. Epistemic modal auxiliaries in English // Odense university studies in linguistics, Vol. 3, 1970. – P. 161-168

Тер-Аванесова А. В.

НИ ПЛЫТЬ, НИ ЕХАТЬ (К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ)¹

Предлагаемая работа относится к области русской диалектной семантики: она содержит краткий анализ значений нескольких глаголов движения – *плыть*, *течь*, *ползти*, *идти*, *ехать* и их пар, обозначающих ненаправленное движение, – в северо-западных русских говорах. Целью ее является анализ семантической структуры названных глаголов и показ диалектных различий, связанных с выражением этими глаголами различных способов перемещения в пространстве. В диалектах, как и в литературном языке, способ передвижения в пространстве выражается корнем (основой) глаголов движения; поэтому в настоящей работе приводятся также слова, производные от глаголов движения и сохраняющие с последними прозрачную семантическую связь.

Меньшее место отведено диалектным различиям, связанным с обозначением направления передвижения: этот компонент значения анализируется лишь в том случае, когда он выражается корнем глагола движения, как в случае с *плыть* и *течь*. Диалектные различия в обозначении направления передвижения, выражаемого главным образом при помощи префиксов, должны, по-видимому, рассматриваться в связи с проблемой вида и способов глагольного действия на фоне глаголов других семантических групп (ср. сев.-рус. *сойти?* ‘уйти’, *сье?хать* ‘ехать’; *походи?ть* ‘идти’, *поезжа?ть* ‘ехать’; *вы?ездить* ‘проехать’; *попоходи?ть* ‘походить’, *запоходи?ть* ‘пойти; начать собираться в путь’ и под.).

Работа построена на материале северо-западных русских говоров, относящихся преимущественно к Онежской группе говоров севернорусского наречия, отчасти собранном в ходе экспедиций в Заонежье (Медвежьегорский р-н Карелии, северное побережье Онежского озера) и Архангельскую область, отчасти взятом из диалектных словарей [1-4].

Семантика этих глаголов в русских говорах не была предметом описания в диалектологической литературе, однако материал по ним представлен в диалектных словарях. К сожалению, большинство диалектных словарей построено по дифференциальному принципу, т. е. отражает только диалектизмы, опуская слова и значения слов, представленные и в говоре, и в русском литературном языке. Этот пробел отчасти позволяют восполнить наши собственные полевые материалы, помеченные в работе как “Заон.” и “Арх.” Однако совпадение между говором и литературным языком в одном из значений слова может быть только кажущимся, как в случае со значением глагола *плыть* ‘передвигаться вплавь в воде’ (о человеке): на самом деле в говоре это значение является лишь частным (контекстно обусловленным) проявлением более общего значения глагола *плыть* ‘передвигаться не ходьбой, подобно рыбе или змею’.

В работе применяется методика, обычная для работ по диалектной семантике: разные типы значений устанавливаются на основании примеров контекстного употребления глаголов. В случае переносных значений глаголов, а их набор у глаголов движения чрезвычайно богат и в литературном языке, и в говорах, контекст приобретает первостепенное значение, однозначно определяющий в говоре выбор того или иного глагола (ср. *кипяток (дым) плывёт, голос бежит* или *текёт, ручей бежит; самовар плывёт* (подтекает), *крыша текёт* и под.).

Глаголы *плыть* (заон. *плову?*, *-вёт*, *-ву?ть*; в прочих говорах также *пльву?*, *-ёт*, *-у?т*), *плавать* в онежских говорах имеет следующие основные прямые значения: 1. ‘ползти’ (о человеке, животных, змеях, насекомых): *Встать не? могу, дак доплы?ла кое-ка?к на коле?нках. Гад подоплы?л и оклева?л* ‘змея подползла и укусила’. *Тут уши не про?идеешь, га?девяи пла?вайут се?ры* Заон. *Сели чай пить – гляжу: клец плывёт по руке* Лод. [4, IV, с. 553] Отсюда онежские названия змеи: *пльву?н* Пуд. [там же], *пльву?ций* Медв. [там же], наряду с общераспространенным *гад* и более редким *змея*: *Гадья, пльвуны, так мы змей кличем* Пуд. [там же].

Ср. также переносное значение у глагола *ропслиться* ‘расползтись, подобно насекомым’ в примере *Нонь вси с дере?вян ропсли?лись в городо? да в посёлки?* Заон.

Глагол *ползти* по крайней мере в говорах Заонежья малоупотребителен и скорее всего является новым, проникшим из стандартного (литературного) языка. Однако в других северо-западных русских говорах он широко употребляется, в том числе наряду со своим синонимом *плыть* [1-4].

Глагол *плыть* также употребляется в онежских говорах в том же значении, что и в литературном языке, а именно ‘плыть в воде, применяя физические усилия’ (о живых существах), например, *рыба (человек, змея, собака и т. п.) пловёт*, однако в онежских говорах это значение является, по-видимому, частным случаем основного значения ‘ползти’. Замечательно, что заонежское *купать(ся)* (*куплю?сь*, *ку?плется*, ср. также *ку?пальщик*) традиционно означало ‘окунать(ся), погружать(ся) в воду’ (в том числе об обрядовом купании в Крещенской проруби,

погружении креста в воду при ее освящении), но не предполагало плавания (перемещения в воде), а также мытья или стирки.

2. 'плыть, держаться на поверхности воды; перемещаться в воде по течению' (о предметах; вероятно, также о живых существах – плыть не гребя, без физических усилий). Ср. о венике, в описании гадания о замужестве на Петров день: *Куды? ви?ницёк приплывёт, в како?й беряжо?к? Да куды? приплывёт, тут бро?сишь, дак тут его и при?бьет, о?зеро дак. Да вси де?фки в свою? во?лость и вы?шли за?муж* Заон.

В этом значении в онежских говорах также употребляется глагол **течь** (см. ниже).

Глагол *плыть* имеет в онежских говорах несколько переносных значений на основе значения 'ползти'.

3. 'скользить': *На краечек копыта гвоздики прибивают востренькие, чтобы нога не плыла* Медв. [4, IV, с. 553]; 'сползать, соскальзывать': *Перевяжешь ношу-то, тащишь, чтоб не плыла* Подп. [там же]; *Эти-то нитки ходкие и плывут на ниченках* (в ткацком стане) Лод. [там же]. Можно думать, что этим значением мотивировано производное *пло?вьё* 'одежда слишком большого размера' Медв. [4, IV, с. 548] (т. е. сползающая).

4. 'медленно или с трудом идти, продвигаться; тащиться, ползти': *Старуха идёт, одва плывёт* Заон. Ср. *подплывать* 'подползать, приближаться': *Мне уже восемьдесят лет подплывает* Волос. [4, IV, с. 662], а также *плыву?нья* 'та, которая медленно ходит': *Вот плывунья, вечно плывёт* Пуд. [4, IV, с. 553]. По всей вероятности, это значение представлено у *плыть* в записанной на Пудожье поговорке *не жили, а плыли* (о плохой жизни) [там же].

5. 'стелиться по земле' (о растениях). *Плывунья?к – такой сорняк, трава маленька с длинными листьями, по земле роспывается* Лод. [там же]. Возможно, сюда же относится *лень плаунь* "простая и нерослая порода льна" [2, III, с. 118].

Плыть в онежских говорах означает также 6. 'вытекать, убежать, переливаться через край' (о жидкостях и газах): *А у нас говорят плывёт: суп плывёт, картошка плывёт, а у вас – бежит*. Пуд. *Горячится самовар, да кипяток плывёт* Белом., Кондоп.; *Боров это на вышке, дым-то по нему на крышу плывёт* Подп., – а также 'течь, протекать' (о емкостях): *Самовар плывёт, порошина, верно, попала в кран* Медв. [4, IV, с. 553].

О дождевой, талой воде, реках и ручьях в Заонежье говорят **бежит** (в том числе о дождевой воде, текущей с крыши, наряду с *летяся*; о дожде обычно говорится безл. *дожди?т* или личн. *дош дожджи?т (задожджа?л)*). То же в сев.-русских говорах – о голосе при пении, наряду с **течь (текчи)**: *Голосо?к у меня не бежит, те?чки нет* Арх. Нючча.

Особенностью онежских говоров по сравнению с литературным языком является употребление глагола **течь (текчи)** в значении 'плыть' (о предметах). В заонежских говорах оно зафиксировано только применительно к чудесному появлению креста, приплывшего по Онежскому озеру: *Там, в Вороньих, крёс притёк по озеру, да старики нашли да поставили да там и рушников и всего навешано да крешионы ходят заветы полагають дак*. Ср. также: *А бывает, что запань лопнет, и лес течёт в Ладожское озеро* Лод.; *Бревно пустят, дак оно течёт по реке, а человек плывёт* Волог. [4, VI, с. 457]. Редко корень *-тек-* выражает значение 'ползти': *Видела, как гад текёт по дорожке* (о змее) Медв., ср. также *те?чкотать* 'ползти, медленно идти': *Возьму, запрягу, до другой горы те?чкотает, идёт* Подп. [там же].

Если онежск. *плыть* (о жидкостях) имеет значение 'вытекать, переливаться через край', то *течь* наряду с перечисленным означает 'пропускать жидкость': *крыша (сапог) текёт*. Ср. *те?ча* 'вода, жидкость, протекающая сквозь что-либо': *Рамы неправильно поставишь, туда по подоконью течёт теча* Новг. – и 'щель, через которую проникает жидкость' Пуд., Медв. [4, VI, с. 457].

Особенностью онежских говоров является употребление глагола *идти* и *ехать* при обозначении перемещения пешком или с использованием разного рода транспортных средств. Так, в Заонежье *идти (ходить)* означает 'перемещаться пешком', 'плыть на корабле', 'плыть' (о корабле); *ехать* же можно на лошади (верхом или в экипаже), на автобусе или машине, на лодке (весельной, парусной, моторной, в том числе достаточно большой, как онежская *со?йма*, на долбленом *у?шкуйке*) и, наконец, на самолете. В последнем случае очевидна аналогия с плаванием на лодке, ср. диалог заонежской старушки с пилотом самолета АН-2 в пересказе первой: – *А я, бабушка, думал, тебя живой не доведу. – Дак ведь погода какаа, уш самолёт и кидает, што того гляди и падёт. – Дак ведь я, бабушка, не пйаной иеду, ф тверёзном виде, дак ты вперёд не волнуйся, иа фарватер знайш, дак ты не бойся*. В значении 'добраться' (доехать, приехать, дойти, прийти) в Заонежье употребляется *попасть (попадать)*: *Куды попадаем?* (вопрос водителя к подобранному на дороге попутчику); *На чём же ты попадал (попал)?* Ср. также фразеологизм *попал на худую дорогу* 'заблудился'.

В связи с изложенным выше неясна мотивация онежского фразеологизма *ни плыть, ни ехать* 'не иметь никаких возможностей', 'не мочь двинуться': *Возраст, ни плыть, ни ехать, ничего не могу; Сейчас уже дошли до того, что ни плыть, ни ехать, ничего нет*. Онеж.; *Напился до дырочек, до пучи, что ни плыть, ни ехать*. Выг. [4, IV, с. 553]. Можно предполагать следующие противопоставления при трактовке его внутренней формы: 1) 'медленно продвигаться (ползти) пешком, тащиться – быстро продвигаться на транспорте', 2) 'передвигаться вплавь – плыть на лодке'.

Литература

1. Архангельский областной словарь. Т. 1-12. – М., 1980-2004.
2. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. – М., 1990.
3. Псковский областной словарь. Т. 1-14. – Л., СПб, 1971-2004.
4. Словарь русских говоров Карелии. Т. 1-6. – СПб, 1994-2005.

Принятые сокращения

Арх. – Архангельская обл.; Белом. – Беломорский р-н Карелии; Волос. – Волосовский р-н Ленинградской обл.; Выг. – Вытегорский р-н Вологодской обл.; Заон. – Заонежье, Медвежьегорский р-н Карелии; Кондоп. – Кондопожский р-н Карелии; Лод. – Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.; Медв. – Медвежьегорский р-н Карелии; Новг. – Новгородский р-н Новгородской обл.; Онеж. – Онежский р-н Архангельской обл.; Подп. – Подпорожский р-н Ленинградской обл.; Пуд. – Пудожский р-н Карелии.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН "Адаптация народных культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям" (история восточнославянского лингвистического ландшафта).

Терещенко С. С.

ШИРОКОЗНАЧНІСТЬ ТА БАГАТОЗНАЧНІСТЬ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Лексична семантика української мови останніми десятиріччями активно й усебічно вивчається науковцями. Предметом дослідження в сучасній лінгвістиці стають різні лексико-семантичні категорії: моносемія (однозначність слів), полісемія (багатозначність слів), а також широкозначність. Специфіка лексико-семантичної категорії широкозначності розкривається при зіставленні її з багатозначністю.

Широкозначність, чи евісемія (від давньогрецького *εὐρεία*, *εὐρύς* – широкий), – це лінгвістичне явище лексико-семантичного рівня, яке характеризується розширенням семантичного обсягу слова для позначення різноманітного кола денотатів. Під широким значенням розуміється такий ЛСВ, у структурі якого наявні семи із максимальним ступенем узагальненості, що конкретизуються у мовленні. В основі семантики таких слів лежить надзвичайно узагальнена та абстрагована ознака, завдяки якій стає можливим позначення безлічі предметів та явищ навколишньої дійсності. Таке традиційне розуміння явища евісемії вперше було запропоновано Н. Н. Амосовою [1, с. 114]. У лінгвістиці кінця ХХ – початку ХХІ ст. проблема широкої семантики розглядалася багатьма дослідниками. Окремі розвідки були присвячені вивченню структурних, граматичних та функціональних особливостей евісемантів у романо-германських (переважно англійській, французькій та німецькій) мовах (І. М. Василюк, К. О. Горшкова, Л. Я. Гросул, А. І. Гурська, Б. Джоламанов, С. Н. Дімова, Л. Л. Івченко, І. С. Лотова, Р. Р. Ніколаєвська, Т. І. Раздіна, В. М. Соколова та ін.). Проте наукових праць зі студіювання особливостей широкої семантики слів української мови на сучасному етапі поки ще немає.

Проблемами співіснування двох близьких мовних явищ почали займатися науковці відразу після того, як була відкрита категорія широкозначності. В сучасному мовознавстві закріпилися два погляди на ці явища: 1) евісемію та полісемію вважають окремими самостійними категоріями (Н. Н. Амосова, І. В. Арнольд, Л. Я. Гросул, Т. В. Жукова, В. К. Колобаєв, В. Я. Плоткін, В. М. Соколова та ін.); 2) широкозначність розглядають як характеристику одного з лексико-семантичних варіантів багатозначного слова (С. Н. Дімова, Г. І. Гурська та ін.). Не розглянутими досі залишаються проблеми розробки чітких критеріїв розмежування двох мовних явищ, особливостей розкриття семантичних відтінків евісемічних та полісемічних слів у мовленні тощо. Отже, досліджуючи сутність широко-значності та багатозначності, спробуємо у цій статті виявити їх найважливіші спільні та відмінні риси.

Питання співвідношення явищ полісемії та евісемії має велике значення для лексикології та лексикографії. Розв'язання його сприятиме більш глибокому розумінню цих понять, фактичних меж поширення, шляхів розрізнення. Особливо важливо при перекладі неоднозначних слів правильно зрозуміти їх семантичний відтінок, адже широке значення неможливо розкрити, переклавши його одним-єдиним словом.

Широкозначність та полісемія іноді спричиняють мовну неоднозначність, заважають прозору сприйняттю, завуальовують зміст висловлення. Як правило, певні труднощі виникають при розумінні евісемантів та полісемантів української мови іноземцями або ж наймолодшими її носіями – дітьми.

Широкозначність та полісемію розглядаємо як категорії лексико-семантичного рівня: вони виражаються мовними одиницями, що систематично виявляються, носять регулярний характер. Відповідно аналізуємо ці два явища з урахуванням структурно-семантичних особливостей їх одиниць.

Загальна інтерпретація евісемії як одиниці лексико-семантичного рівня, її місця серед інших мовних категорій залежить, головним чином, від того, у яких відношеннях перебувають широкозначність та багатозначність. Зближення, а іноді й повне їх отождошення відбувається через наявність у будь-якого евісемічного та полісемічного слова ознаки поліденотативності, тобто можливості позначати найрізноманітніші предмети та явища навколишнього світу. Схарактеризувати цю властивість можна при поглибленому аналізі внутрішньої структури слів.

Семантичне варювання багатозначних слів сприяє тому, що вони позначають найрізноманітніші фрагменти дійсності (предмети, явища, дії, властивості, відношення тощо). Кількість їх ЛСВ завжди обмежена (не менше двох) і не залежить від кількості позначуваного. Кожен семантичний відтінок має предметне та понятійне значення. Отже, багатозначні слова обов'язково мають хоча б два значення та дві понятійні основи, тобто, окрім поліденотативності, для них характерна й поліпонятійність. До того ж такі лексеми позначають декілька різних понять, які обов'язково входять до семантичної структури слова, закріплюються і формують значення. Кількість значень полісемантів дорівнює кількості ЛСВ та їх понятійних основ. Вона залишається сталою у мові та мовленні. Наприклад, до внутрішньої структури багатозначного іменника „метелик” входять два поняття і відповідно два значення: „комаха з двома парами крил” та „краватка у вигляді банта”, останнє з яких було утворено від першого шляхом метафоричного перенесення найменувань за схожістю форм. Ця лексема поліденотативна (використовується на позначення сотень видів комах та десятків різновидів краваток) і двопонятійна.

Слова широкої семантики позначають безліч денотатів, але, на відміну від полісемантів, вони характеризуються структурною однопонятійністю. Позначувані поняття лише зовні пов'язуються зі словом, з його фонетичною оболонкою, проте не входять до структури значення. Вони з'являються при функціонуванні слова у конкретних мовленнєвих контекстах і співвідносяться з єдиним узагальненим широким поняттям. Так, наприклад, під широким значенням слова „предмет” у мові розуміється необмежене коло реальних та уявних явищ, що сприймаються органами чуття людини і на яких зосереджена увага. В певному тексті стає прозорою структура його значення: мається на увазі чи „матеріальний предмет”, чи „предмет думки”, чи „певна наукова дисципліна”. У мові концептуальна основа лексичного значення евісеманта залишається сталою, у мовленні ж вона обов'язково змінюється, звужується. Між усіма можливими ЛСВ широкозначного слова відсутній логіко-семантичний зв'язок. Отже, поліденотативність – та загальна риса, яка характеризує евісеманти та багатозначні слова. Першою